

АЛЕКСАНДР
СТАРОСТИН

ПРАВИЛЬНАЯ
ПЛАНЕТА

0+

Александр Старостин
Правильная планета

«ЛитРес: Самиздат»

2019

Старостин А. В.

Правильная планета / А. В. Старостин — «ЛитРес: Самиздат»,
2019

На что пойдет планета-пьяница, чтобы не пить одной? Кто сильнее, карьерный самосвал или дракон? Как и зачем заставить единорога плакать? Как прожить вместе пятьдесят лет и не поубивать друг друга? Все ли готовы жить вечно? Как выжить в офисном зоопарке? При чем здесь голова из Футурамы? Сборник рассказов про необычные проблемы обычных людей. Обложка выполнена на kwork.

Правильная планета.

Первым на новую планету традиционно выпускали Пса. Никто уже и не помнил, где и в какой из командировок он прибулдился к бригаде. Помойки, подвалы, недостаток воздуха и воды – что лучше закалит характер, разовьет хитрость и намертво, крупными стежками пришьет любовь к жизни? Это в бригаде он отъелся, округлился и по выживальческой бродячей традиции стал дружелюбным к окружающим, но все прошлые собачьи жизненные коллизии оставили неизгладимые следы как на его шкуре, так и в собачьей душе. Хотя поговаривали, что Пёс и не собака вовсе.

Погрузочный пандус волнительно тронулся, приоткрыв щель в новый мир. Солнце и пьянящий запах неведомых трав хоть и сушили отдых после долгого перелета в замкнутом пространстве, но не могли обмануть третий коллектив. Наружу никто не торопился. Роли в бригаде давно были негласно расписаны, и первым шел Пёс.

По мере откидывания пандуса напряжение нарастало. Никто в отчеты разведки уже не верил, и Пес инстинктивно, пружиня напряженными мускулами, пятился назад, нагнетая обстановку, заставляя и без того взвинченных парней упираться спинами в противоположную от окна, открывающегося в неведомое, стену.

И, когда пандус уже почти коснулся поверхности, густо подернутой зеленью неизвестного вида, Пёс неожиданно расслабился, завил хвостом и, радостно залааяв, рванул в зеленые пампасы.

Так началось освоение новой планеты.

Огромный, как футбольные ворота, бульдозерный отвал без намека на сопротивление вошел в незащитную местную почву, скальпелем срезав верхний плодородный слой вместе с кустами и деревьями.

Из-под безразличной стали брызнула по кустам пернато-мохнатая мелочь.

– Пока летели, сталь успела заржаветь, – улыбаясь своим мыслям, думал плюгавенький мужичонка в грязном оранжевом комбинезоне на два размера больше. – Ничего, ща отполируем. Гляди-кась, открытый космос, а ржавеет как на болотах.

Ему всегда нравилось начинать такое. Нравилось, покоряя космос, прилететь на новую планету, нравилось натывать в неё буров, ковшей, отвалов – да все, что есть. Нравилось рыть в одном месте и засыпать в другом. Рвать, терзать, разрушать... и одновременно с этим строить. Ведь он являлся частью так называемой бригады терраформирования и первичной разработки. И не то чтобы не было выбора; ему это нравилось до маниакальной дрожи.

Природа? Да кого она волнует. Ее не осталось на Земле, так пусть не будет нигде. Закон джунглей.

В бригаду состоявшиеся люди не шли. Шли те, кто жизнь бит не раз; на Земле их ничего не держало. Да и трудновато стало там. Давно переставшие быть героями, они предпочли мнимым благам перенаселенных земных городов дискомфорт и открытые пространства новых планет. Учитывая, что руководство закрывало глаза и на судимости, можно представить, какой контингент высадился на несчастную планету, заменив бригаду планеторазведки и частично взяв на себя все её незавершённые дела.

– Им-то что? Наскоро снимали из космоса, наскоро провели экспресс-тесты, полазили по планете недельку, набрали образцов всего, до чего смогли дотянуться, настроили отчетов... И домой. А мы травись, – продолжал улыбаться оранжевый комбинезон, не глядя перетирая в пальцах зрелые на вид плоды, ставшие легкодоступными, с поваленных бульдозером деревьев.

– Семеныч! – голос исходил сверху. Для того чтобы можно было разговаривать, древний, как египетские пирамиды, дизельный бульдозер пришлось заглушить. – Опять ты себя не жалеешь, местную флору испытываешь?

– Спускайся и собирай! Сырье – лучше не придумать, – хмуро буркнул комбинезон. – Как кальвадосить, так ты первый! Смотри: целый сад выкорчевал. И помощников себе не забудь позвать.

– Семеныч, – проникновенно начал Бригадир, полная ему противоположность. Любой комбинезон был ему мал. – Ну я же видел, как ты с бандой своей со склада запасных частей топливный бак к себе потащил. На тонну! У меня аж внутри похолодело все. Вы же из штопора не выйдите!

– Так ты сам же в первых ря...

– Не в этот раз. Экспедиция на особом контроле, что-то там нашли в образцах. Молчат, но работы продолжаем. “Алколоков” на технику поставили. Если пил вчера, не заведешь, и сигнал сразу в головной офис.

– Не бойсь, Бригадир! Обжудим и “Алколоки”. Древнучие они, как и наша техника. Чего, кстати, весь дизельный хлам сюда запихали? Ему на переплавку давно пора.

– Если б нашли уголь на планете, то на пару бы работали, а так – повезло нам. Внутреннее сгорание – это тебе не паровоз, прогресс. Нефть, пригодная к использованию в примитивном дизеле, почти у поверхности. Подогреть надо в баке – и все. Реакторы и аккумуляторы денег стоят, а тут сплошная экономия. Как с выработкой?

– Автоматы на самосвалах пока не работают, глючат. И установка датчиков позиционирования на маршруте отстает пока. Потому катаем маршруты с водителями. Выработка минимальна. Через неделю заработает все само, тогда и отдохнем. – Семеныч смачно откусил от подозрительного сине-зеленого плода.

– Отдохнем, – вздрогнул Бригадир.

Аппарат на новой планете приходилось собирать каждый раз заново. И проблемой это не было. Формирование грузов всегда тщательно контролировалось, проверялось на предмет запрещенного, хотя в запасные части всё равно всегда шли баки, трубки, герметичные емкости – всё, что нужно для алчущего винокура.

Но самым главным компонентом был парогенератор, путешествующий вместе с автономной мастерской от планеты к планете. В обычной жизни он использовался для отпаривания въедливой грязи на технике, а в нашем случае пытливый ум космомеханика приспособил его для отгона великолепного самогона из любой гущи.

Проблемой в безжизненном космосе всегда было сырье. Но, как выяснилось, не на этой планете. Местные деревья плодоносили щедро, а сахара в хорошо пахнущих плодах содержалось предостаточно. Прогрессивные земные дрожжи выбраживали его дочиста за два дня. Вот что еще надо? И недели не прошло, а в баке, так и не ставшем топливным, уже благоухало, пыхтело и булькало перетертое в пюре фруктовое месиво, каждым углекислотным выдохом своим насыщаясь вожденным спиртом.

Не стали тянуть с первой отгонкой и сопутствующей первичной дегустацией. Еще не упали первые капли, а приближенные лица уже водили носами и сужали круги, как акулы, вокруг мастерской, где и постигалось таинство винокурения. Лица не приближенные и свободные от вахт с интересом наблюдали за происходящим.

Чуда не произошло, и потому лишь в положенный срок заструилось, закапало, вызывая обильное слюноотделение и наполняя иссохшие сердца предчувствием.

Последние капли ещё только накапывали, а группа приближенных, воспользовавшись привилегированным положением, успела изрядно набраться, явив народу первый бак уже пошатываясь.

Изначально планировали отнести бак в столовую и уже там разливать по мелкой таре, соответственно и крышкой его впопыхах прикрыть забыли.

Не особо пригодный к переноске бак имел своё мнение в отношении путешествия в столовую. Кто-то оступился, у кого-то подвернулась нога... Бак выскользнул под синхронный

выдох десятков легких. Жидкость вытекла, мгновенно впитавшись в раскалённую на солнце поверхность. Земля под ногами дрогнула.

– Семеныч, Семееныыч, – голос звучал из ниоткуда и отовсюду. – Семеныч, ты что вчера пролиииил?

Семеныч вяло пошевелился, пытаясь прийти в себя. Странно, что вчера он не оставил воды рядом; в последние годы это было крайне ему несвойственно. Наконец резкость удалось навести, но голос в голове все не унимался.

– Это было... это было так... – пионерски-восторженное колоратурное сопрано самочувствия не улучшало, тем более что источник его так обнаружить и не удалось. Семеныч удивился бы голосам, если бы не было так плохо. При таком самочувствии пионер в голове «гармонию мира» нарушал мало, однако... поди ещё вспомни, кто он вообще такой.

– Перемудрил я с рецептом, – сказал Семёныч сам себе. Надо было второй раз переговорить.

Окинув мутным взглядом царивший в приспособленной под винокурню мастерской разгром, Семеныч застыл в немом изумлении, пытаясь восстановить события предыдущего дня. Беспорядок не удивлял. Удивляли пустые бродильные чаны и баки с готовой продукцией. Они были не просто пусты, что бывало и раньше! Они были варварски опорожнены через сквозные, будто разъеденные кислотой, дыры. Оборудование, внезапно ставшее инвентарем для фильма ужасов, было безнадежно испорчено.

– Еще, еще, а ты можешь приготовить еще? – снова задрезало в голове. «Что ж за голос-то противный такой? И где бы попить?» – подумал Семёныч.

Обернувшись, мужчина увидел бутылку с водой. Странно, ведь он был стопроцентно уверен, что еще секунду назад её на верстаке не было. На дрожащих ногах, на ходу открывая бутылку с вожденной влагой, Семеныч поковылял на улицу.

Перед глазами предстала картина эпического вселенского похмелья: хмурое небо, народ, куда-то неприкаянно бредущий, как зомби. Даже Пес, сжимая лапами седую лобастую голову, лежа на боку пытался вылизать остатки влаги из пластиковой миски с надписью «LIKE A BOSS».

Налить воды в миску Семеныч не успел – Пес жадно всосал последние вожденные капли прямо из бутылки, ловко придерживая оную лапами.

– Я смотрю, дегустацию провели вчера? – хмурый, как и сегодняшнее утро, спросил Бригадир. – Техника не заводится.

– Она не из-за “Алколока” не заводится, – еще более хмуро ответил Семеныч, – местная нефть топливную аппаратуру разъедает. Исследовали ее, исследовали... и вдруг – разъедает.

– Выборочно разъедает? То баки, то фильтры, то трубки? – спросил резко побелевший Бригадир. – Что экспресс-тесты?

– А что тесты? – насторожился удивлённый реакцией Бригадира Семеныч. – Результаты анализа проб из центральной лаборатории есть?

– Молчит лаборатория. Орбитальная станция перестала на связь выходить, – поежился Бригадир. – Успела малоинформативный бред передать. И больше не выходит.

– Я толком не понял, – продолжал бригадир. Похоже, он держал информацию в себе уже несколько дней и теперь ему просто необходимо было выговориться, – все на этой планете, включая флору, фауну, нефть и песок, состоит из мельчайших роботов. Нано? Ну пусть будет нано. На молекулярном уровне. Все искусственное. Понимаешь?

– Так тут фрукты бродят, мы и дегустацию уже провели. Какие роботы?

– А нанороботы мало того, что способны к воспроизведению самих себя в постоянно уменьшающемся виде, так и, как нейроны мозга, связаны между собой в единую сеть невероятным образом. По сути, вся планета – это единый мозг невиданного потенциала и с неограниченными возможностями. Не только мозг, но и тело с мускулами и возможностью трансфор-

мироваться. И в подтверждение информации станция с лабораторией отключилась и на связь больше не выходит.

– Валить отсюда надо.

– Да, да. Но это еще не все. Прежде чем сгинуть по неизвестной причине, высоколобые решили, что этот гигантский сгусток нанонейронов женского рода. Женщина!

– Твою ж мать, – как-то сразу поверил в происходящее Семеныч, – теперь и здесь не побухаем больше.

– Вот именно, что Мать! Мать Природа! Женщина дает жизнь, жизнь приоритетна и вроде как вечна – просто переходит из одной формы в другую. Как энергия. И жизнь эта искусственна, рукотворна! Понимаешь? Всегда, без исключений. Божественное провидение ли, может, кто-то в пробирке намешал... не важно.

– А не многовато ученые с двух горстей образцов выводов наделали? И что делать-то теперь?

– Похоже, к этой планете интерес нешуточный был, давно изучали. А мы просто как раздражающий фактор, как подопытные кролики здесь. Не зря же весь хлам сюда сунули. Даже здесь сэкономиили. Спровоцировать ее мы должны были своим ковырянием. А тут еще ты со своим самогоном. А что делать? А ничего не делать. Работы велено прекратить. Ждать эвакуации. У тебя остался там наносамогон из планетарного мозга?

– Из женского мозга. Не поплохело бы нам от этого самогона.

– Куда нектар-то заливать? – Семеныч нерешительно топтался посреди поляны с двумя ведрами своего домашнего алкоголя.

– Да под ноги себе и лей. Здесь, милый, везде Я. Куда не лей не промахнешься.

– Да не принято у нас алкоголь на землю лить.

– А ты и не у вас. Не менжуйся, глотни из ведра, а остальное вылей.

– А не маловато – два ведра на целую планету?

– Не маловато, мы ведь только начали. И ты, считай, алкоголь прямо в мозг льешь. Ну и тост хоть скажи.

– Ну... за науку. Не чокаясь. – Глотнул и без паузы, сведенными от выпитого связками, добавил, – А ты красивая.

– Хи-хи-хи.

– Зачем технику-то курочила? Она ж вроде такая, как и ты...

– Ну, чтоб понятнее было... чешется она, короче.

– А алкоголь как?

– О! Алкоголь – это целый мир. Те, кто меня создал, исключили саму возможность существования здесь того, что вы называете дрожжами. А вы привезли.

– Э, ты аккуратнее с этим. Целый мир! Пьяница, Мать ее, Природа – горе в семье.

– Остаюсь я! – Семеныч задумчиво рассматривал мыски своих ботинок. – На Земле меня больше ничего не держит. А здесь у меня есть все... и вообще ничего невозможного нет.

– Да вижу я, что ничего невозможного нет. Вид цветущий, комбинезончик на тебе теперь как влитой, – пробурчал себе под нос Бригадир. В отличие от Семеныча он заметно сдал. Похудел, осунулся, глаза ввалились.

– Да и вы всей бригадой оставайтесь, она не против. Уверен, что головной офис с удовольствием эксперимент продолжит.

– Подопытными крысами? Здесь? Ну нет. Лучше назад, где вода и воздух по талонам. Ненастоящее здесь все, чужое. Природа здесь по другим принципам устроена, не по нашим. Не может она так заботиться о человеке, не должна. Здесь ты ребенок, дите. Шаг в сторону – получи по заднице. Мир этот ты не то что сломать... поцарапать не можешь.

– Но на Земле мы разломали уже все.

– Именно, Семеныч, вот именно! Еще лет триста – и от земли останется безжизненный шар. И никакие высосанные досуха планеты Землю уже не спасут. Мы саранча, вид такой. Сожрали всё, до чего смогли дотянуться – перелетели на другую поляну. По-другому мы не можем. Если мы исчезнем как вид, в этом и будет наше наказание... или избавление. Принимай, как тебе больше нравится. Ответственность, понимаешь? Это и отличает взрослого от ребенка. А здесь принципы иные.

– Ты знаешь, а ведь мы тоже не очень-то и... – попытался привести последний аргумент Семеныч.

– Да не важно это. Ощущаю-то я себя из плоти и крови. А как есть на самом деле – знать не хочу.

Никто уже не удивлялся тому, что автоматика эвакуационного бота не работала. С трудом нашли пилота, согласного забрать остатки бригады в ручном режиме с дружелюбной, но покидаемой планеты.

Из бригады никто не остался. Не то чтобы Семеныч настаивал, но сложилась такая ситуация, когда никто не виноват, а все чувствуют себя предателями. Хмуро сидели, пристегнутые каждый в своем ложементе. Молчали.

Бот приподнялся над планетой и завис для положенной в таком случае технологической остановки. Изображение с наружных видеокамер автоматически вывелось на экраны мониторов.

– Пилот, стой! – у кого-то первым не выдержали нервы.

– Увеличьте, скорее!

– Пилот, разворачивай. Садимся, быстро!

– Бригадир, возвращаемся! – заорали уже все хором.

Наконец увеличенная картинка вывелась на экран и бригадиру. Под ботом простиралось огромное зеленое море лесного массива с густыми вкраплениями режущих глаз озер, соединенных единым каскадом.

Разрешение камеры позволяло рассмотреть, что на берегу одного из озер, у свежесрубленного, уютного причала покачивается деревянная лодочка. С лодки свисали удочки, небрежно разбросанные в творческом беспорядке. А чуть поодаль, в стороне, дымилась кирпичная труба небольшого сруба, в назначении которого никто не сомневался.

Это была БАНЯ!

Золотая свадьба.

Бам! Дыц! Бздынь...

В который раз уже грубо выдергивают из сна. Визг, крики. Дети! Впрочем, все как обычно. Сам виноват – и некого винить, кроме себя. Легкий укол раскаяния не отменил раздражения, которое мутным потоком слилось с только-что-после-пробужденным туманом. Туда добавилось еще много чего после вчерашнего. Оно-то и сформировало настроение на всё утро... да и, возможно, на целый день.

– Бабка!!! – ответа не последовало.

– Бабка, чрт блжд...!!! – и вновь молчание.

«Примиритель» привычно напомнил о себе только предупреждающим, но вполне ощутимым щекотанием между ключицами и шеей.

– Да помню я, блин. Помню.

«Бабка» – это было единственное, хоть и обидное, обращение к жене, на которое «Примиритель» никак не реагировал. А вот красноречивое «чрт блжд» проклятая железяка пропустить никак не могла.

Вообще-то, «бабкой» Бабка была, по сути, только по критериям далекого 21 века. Омоложивающая «нанохрень», закачанная еще до этого, чистый воздух и натуральное хозяйство – этих причин уже достаточно для того, чтобы Бабка нешуточно и небеспочвенно обижалась. И не зря она попала в программу по линии причинения насилия и травматизма.

За окном к привычным визгам и крикам добавился хруст. Что-то с треском повалилось и зазвенело. Это могло быть уже серьезно, и, хочешь не хочешь, надо было вставать. Ну, еще одна попытка:

– Бабкаааа!!! Черт тебя дери

И только легкий разряд тока в ответ.

Причиной внештатного пробуждения стало кормление скота. И загрузка высушенного помета и упаковочного картона в перколятор.

Ну как скота? Только кур и свиней. Ну как кур и свиней? «Курами и свиньями» переселенцы называли инопланетную скотину весьма условно, по привычке. Похожести там и близко не было. Если жрет все, ходит на четырех ногах и жиреет, то свинья. А если жрет все, бегаёт на двух ногах и несет яйца – курица.

Дети, уверенные, что дома остался один Дед, бушевали не на шутку. Катались верхом, травили свиней курами, пускали курицу к свиньям в качестве гладиатора. Чад угара и дым над куросвинарником.

Это вопрос к «Примирителю»: каким образом вышло так, что дети опасаются Бабку больше, чем Деда? Это касается только его Бабки? Или их детей, или и самого Деда? Хм. Данный вопрос волнует его уже без малого лет пятьдесят. Дед давно подозревал, что Бабкины колкие ругательства остаются для неё безнаказанными, а его, коль провинится, – так по полной программе. Несправедливо! Терзающие мысли не мешали попутно решать проблему поголовного, перемазанного скотским гуано, детского веселья.

Свиньи поели – пинками в загон. Где Бабка?

Куры поели – пинками в загон. Где Бабка?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.